

Изъ воспоминаній Н. А. Малевского-Малевица.

ГЛАВА IV-Я.

Сельцо Лукьяново.

Во второй главѣ моихъ воспоминаній *) я упомянулъ, что дѣдъ мой Александръ Ивановичъ Розовъ на капиталъ, оставшійся послѣ первой его жены Варвары Дмитриевны, купилъ старшей дочери своей, а моей матери, Екатеринѣ Александровнѣ—домъ въ Москвѣ, на Плющихѣ, гдѣ я и родился. Второй своей дочери Надеждѣ Александровнѣ дѣдъ на тѣже наслѣдственные деньги приобрѣлъ имѣніе въ Коломенскомъ уѣздѣ Московской губерніи, сельцо Лукьяново. Составляя часть обширныхъ помѣстій богатаго барина Ивана Андреевича Рославлева, сельцо Лукьяново, которое онъ называлъ своимъ золотымъ дномъ, досталось одной изъ его „воспитанницъ“ Елисаветѣ Ивановнѣ Наумовой. Елисавета Ивановна была особа нехозяйственная, крайне слабовольная и довѣрчивая. Она подпала подъ вліяніе своихъ дворовыхъ и особенно своего управляющаго Андрея Ивановича, который былъ „крестникомъ“ Рославлева. Наумова всю свою землю сдала въ безсрочную аренду крестьянамъ, оброкъ съ нихъ получала незначительный, съ постоянными недоимками, и жила въ деревнѣ, перебываясь кое-какъ, окруженная приживалками и въ полной зависимости отъ милости своего управляющаго. Имѣніе было сперва заложено въ Опекунскомъ Совѣтѣ, а тамъ и подъ вторую закладную въ частныя руки и, наконецъ, продано съ публичныхъ торговъ за долги. Дѣдъ купилъ его заглазно съ переводомъ долга Опекунскому Совѣту.

*) См. „Русскій Архивъ“ 1909 года, выпускъ 5-й.

Тетка моя Надежда Александровна, вообще не любившая деревни, не была довольна этой покупкой и никогда не помирилась съ мыслью, что сдѣлалась владѣлицей Лукьянова. Имѣніе, дѣйствительно, оказалось сильно запущеннымъ и раззореннымъ: барскій домъ обветшалъ, прудъ на половину заросъ осокой, садъ заглохъ, лѣсъ оказался сведеннымъ, вся земля въ арендѣ у мужиковъ, плохо платившихъ оброкъ. Но дѣдъ былъ очень увлеченъ новымъ приобрѣтеніемъ и въ первое же лѣто отправился въ Лукьяново.

Въ то время о Рязанской желѣзной дорогѣ не было и рѣчи, и въ Лукьяново пришлось ѣхать по большой Коломенской дорогѣ, на перекладныхъ, въ собственной каретѣ. Я смутно помню, какъ повезли въ этой каретѣ и насъ, дѣтей, т. е. меня и сестру Евгенію. Съ нами ѣхала и тетушка Надежда Александровна, владѣлица Лукьянова. Выѣхали съ разсвѣтомъ, а приѣхали въ деревню поздно вечеромъ, свернувъ съ большой дороги у сел. Степанщина, отъ котораго верстъ 6 пришлось еще ѣхать проселкомъ. Мнѣ помнится, какъ наша карета по шаткой Лукьяновской плотинѣ въѣхала на барскій дворъ и остановилась передъ темнымъ, сумрачнымъ домомъ, съ высокой деревянной крышей. Противъ дома виднѣлся прудъ съ островомъ и на берегу помость изъ бѣлаго камня. Замѣчательно, что на другой день, вставъ довольно поздно, мы не нашли уже этого каменнаго помоста у пруда; надо думать, что крестьяне, узнавъ о приѣздѣ новыхъ господъ, рано утромъ растащили къ себѣ во дворы бѣлые тесанья плиты, изъ которыхъ былъ сложенъ помость. Подъ нѣкоторыми крыльцами деревенскихъ избъ въ Лукьяновѣ и теперь еще можно видѣть тесаные бѣлые камни.

Происхожденіе этихъ камней достойно упоминанія въ лѣтописи сельца Лукьянова. Первоначальный владѣлецъ его Иванъ Андреевичъ Рославлевъ *) задумалъ на старости лѣтъ построить въ своей вотчинѣ церковь. Фундаментъ ея былъ уже заложенъ и цоколь выведенъ изъ бѣлаго Коломенскаго тесанаго известняка, когда какая-то прохожая богомолка предсказала Ивану Андреевичу, что онъ помретъ, какъ только закончить сооруженіе храма. Предсказаніе это такъ испугало старика, что онъ тутъ-же приостановилъ работы. Заложенный фундаментъ былъ заброшенъ, и цокольный камень частью перевезенъ на барскій дворъ и сложенъ у забора, а частью растасканъ крестьянами. С. Лукьяново, имѣвшее до 200 душъ, осталось безъ церкви, отчего, быть можетъ, тамъ и процвѣлъ расколъ въ образѣ хлыстовскаго согласія. Я хорошо

*) Сынъ одного изъ пособниковъ Екатерины Великой при ея воцареніи? П. Б.

помню послѣднюю хлыстовскую начетницу Агаею Дмитриевну и ея двухъярусную обширную избу за околлицей. Въ этой избѣ происходили, по слухамъ, хлыстовскія радѣнія чуть не до восьмидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка. „Митровна“ пользовалась въ Лукьяновѣ большимъ вѣсомъ, имѣла денежки, завела у себя въ избѣ „карась“ и подъ предлогомъ мотанія шелка завлекала въ свои хлыстовскія сѣти женскую молодежь окрестныхъ деревень.

Я родился почти наканунѣ освобожденія крестьянъ и въ дѣтствѣ не соприкасался вовсе съ крѣпостнымъ бытомъ; можетъ быть, потому и не питаю къ нему предвзятыхъ чувствъ: для меня стародавнія условія помѣщичьяго уклада невольнo опредѣляются преданіями сельца Лукьянова, какъ они слагались при двухъ его послѣднихъ владѣльцахъ—добродушномъ, довѣрчивомъ Рославлевѣ и его кроткой, безгласной наслѣдницѣ—Наумовой. Они не мучили своихъ „подданныхъ“ ни тяжелой барщиной, ни высокимъ оброкомъ, ни барскими причудами и если запустили по безопасности собственное хозяйство, то крестьянскаго не только не разорили, а скорѣе способствовали благосостоянію подвластнаго имъ населенія. И въ своемъ положеніи „временнообязанныхъ“ Лукьяновскіе мужики перенесли на свою новую помѣщицу Надежду Александровну Розову унаслѣдованныя чувства довѣрія и преданности. Выражалась эта преданность иногда довольно грубымъ образомъ, но всегда шла отъ сердца и способствовала установленію между барскимъ дворомъ и деревней прочной нравственной связи, переходившей отъ поколѣнія къ поколѣнію вплоть до недавней тяжелой години такъ называемаго „освободительнаго“ движенія.

Да что и за народъ былъ въ Лукьяновѣ, когда мы пріѣхали туда въ первый разъ! Рослый, здоровый, благообразный—всѣ молодець къ молодцу. Помню, какъ на другой день послѣ нашего пріѣзда, Лукьяновскіе мужики пришли поздравить свою новую помѣщицу Надежду Александровну. вмѣсто хлѣба-соли крестьяне подвели тетушкѣ бѣлаго барана, у котораго рога были позолочены сусальнымъ золотомъ и обвѣшаны цвѣтными тряпками. Какъ теперь вижу рядъ сановитыхъ, борода-тыхъ мужиковъ въ длинныхъ синихъ кафтанахъ съ сборчатыми рукавами, въ смазныхъ сапогахъ; всѣ они стояли безъ шапокъ на барскомъ дворѣ. Вотъ Петръ староста со строгимъ иконописнымъ лицомъ и гладко примазанными сѣдьющими волосами, раздѣленными по срединѣ проборомъ; онъ говоритъ привѣтственное слово степенно и не торопясь, безпрестанно вставляя въ свою рѣчь кстати и не кстати фразу „къ примѣру будучи сказать“. Вотъ Данило Горячій, огромный, пле-

чистый старикъ, съ шапкой съдыхъ волосъ, съ длинной, всклокоченной бородой и дѣтскими голубыми глазами. Вотъ дородный Ѳедоръ Егоровъ, поль-вѣка прожившій въ скотникахъ на барскомъ дворѣ, бѣлолицый и осанистый. Вотъ Ёфремъ Чебуреевъ-сапожникъ, весь въ серебристыхъ кудряхъ, съ задорно вздернутою головою и съ удалескою ухваткою, вопреки своему 80-тилѣтію. Вотъ Егоръ Бутакъ съ желтымъ и гладкимъ, какъ старая слоновая кость, черепомъ, съ густыми щетинистыми бровями. Вотъ Тимофей Краюшкинъ, благообразный и застѣнчивый. Вотъ Антонъ Хромой съ посохомъ. Называю только тѣхъ, которые остались въ памяти и съ дѣтьми и внуками которыхъ мы игравали въ дѣтствѣ.

Но какъ измельчалъ, какъ выродился за истекшіе поль-вѣка Лукьяновскій деревенскій людъ! Я засталъ еще въ деревнѣ рослое, бодрое племя коренныхъ землепашцевъ, которыхъ не коснулася городская, а тѣмъ менѣе фабричная „культура“. Мужики ходили въ синекубовыхъ съ бѣлыми цвѣточками косовороткахъ, подпоясанные цвѣтными „опоясками“ изъ бумажной тесьмы; носили поярковыя высокія шляпы „грешневиномъ“, обувались въ онучи и лапти, подвязанные лубками. Теперь завелись у всѣхъ картузы, „сортеня“ *) цвѣтныя сорочки, жилетки, калоши и даже „спинжаки“, въ которыхъ деревенскіе парни, вернувшись съ фабрикъ на побывку домой, щеголяютъ по праздникамъ на улицѣ. Но невзрачны, низкорослы и тщедушны потомки богатырей-Петра старосты, Данилы Горячаго, Антона и Ѳедора, промѣнявшіе „землицу“ и стародавній деревенскій бытъ на фабричную „жисть“ около города, со всѣми его нездоровыми соблазнами. Женское сословіе деревни еще держится былого домашняго уклада въ лицѣ немногихъ оставшихся старухъ. Но женская молодежь также измѣнилась и нравами, и костюмомъ. На бабахъ не видишь больше повойниковъ и крашенинныхъ сарафановъ и „продуванокъ“; онѣ носятъ городскія кофты и юбки, покрываютъ голову платочками, замѣнили прежнія душегрѣи „дипломатами“. Дѣвки-щеголихи, работающія на купца нанку на домашнемъ станкѣ, выходятъ въ праздникъ на улицу не въ лентахъ и монистахъ, а съ зонтиками, въ нитяныхъ перчаткахъ и въ „бареткахъ“ на Французскихъ коблуккахъ.

Тетка Надежда Александровна не любила деревни, но ѣздила по заведенной привычкѣ въ Лукьяново каждое лѣто и оставалась тамъ съ нами, дѣтьми, и бабушкой Юліей Ѳедоровной, мѣсяца два. Между нею

*) Шерстяная матерія.

и ея „временнообязанными“ крестьянами установились сразу довѣрчивыя отношенія. Мужики ея полюбили и обращались къ ней со всякими своими нуждами. Не интересуясь хозяйствомъ и не понимая его, тетушка оставила въ оброкъ у крестьянъ на прежнихъ основаніяхъ всю землю пахатную и луговую; даже въ нашемъ фруктовомъ саду и на усадьбѣ мужики косили для себя сѣно. Рубка лѣса, конечно, была запрещена, но запретъ этотъ имѣлъ скорѣе академическое значеніе, такъ какъ нанятый бережъ лѣсъ старичекъ-сторожъ въ лѣсу не жилъ и заглядывалъ туда рѣдко, самъ боясь „лихого“ человѣка.

Домашнее управленіе въ Лукьяновѣ также мало измѣнилось при Надеждѣ Александровнѣ. Правда, Андрей Ивановичъ, управляющій Наумовой, еще до продажи Лукьянова переѣхалъ въ Никитское, принадлежавшее въ то время наслѣднику Рославлева Веловзору. Разбѣжались невѣдомо куда и приживалки Елисаветы Ивановны; но дворовая прислуга осталась, начиная со скотника Ѳедора Егорова и его жены Авдотьи, прозванной за походку „утицей“. Они, какъ были, такъ и остались хозяевами положенія, даже еще болѣе укрѣпились, такъ какъ Наумова жила въ деревнѣ почти круглый годъ, а тетушка Надежда Александровна только два лѣтнихъ мѣсяца.

Впрочемъ Лукьяново было прелестнымъ уголкомъ. Мы еще въ дѣтствѣ прозвали его „оазисомъ“. Среди однообразныхъ плохообработанныхъ полей и кочковатыхъ луговъ, мѣстами поросшихъ чапыжникомъ*), въ неглубокой лощинѣ лежитъ Лукьяново, все въ зелени, охваченное обширными господскими садами, въ которыхъ еще уцѣлѣли вѣковые вязы, столѣтнія березы, ветлы и тѣнистыя алеи кленовъ и елей. Посрединѣ большой прудъ съ островомъ, поросшимъ высокими ольхами, отдѣляетъ помѣщичью усадьбу отъ деревни. На одномъ берегу господскій домъ, утопающій въ зелени, на другомъ, за плотиной, рядъ близко другъ къ другу построенныхъ бревенчатыхъ избъ, подъ соломенными крышами, окнами на барскій дворъ; избы „бѣлыя“ съ гончарными и кирпичными трубами въ два и три окна, съ росписными ставнями и воротами подъ навѣсомъ. За избами клѣти, скотные дворы и сараи, а дальше огороды и ягодные сады съ плетнями и тынами; амбары, гумна и риги „на задахъ“ къ полю, которое начинается сейчасъ за деревней, черезъ дорогу. Мы въ дѣтствѣ любили гулять на „задахъ“ особенно послѣ жатвы, когда на гумнахъ ставились высокіе ометы ржи и шла веселая, дробная молотба цѣпами новаго урожая.

*) Мѣстное названіе ивняка.

Господскій домъ стоялъ тремя сторонами въ саду, а однимъ бокомъ высокими крытыми сѣнями о двухъ ходахъ, смотрѣлъ на барскій дворъ, на которомъ росли кусты жасмина, акацій, сирени и шиповника. По ту сторону двора, противъ хода въ кухню, виденъ былъ обширный погребъ, на высокомъ каменномъ фундаментѣ, а за тесовымъ рѣзнымъ заборомъ—каретный сарай, конюшня, людская изба и прочія хозяйственныя постройки, скрытыя отъ господскаго дома рядомъ плакучихъ березъ и высокими кустами черемухи. Въ господскомъ домѣ было темновато и прохладно; онъ былъ окруженъ съ трехъ сторонъ старыми вѣтвистыми яблонями и густо разросшимися кустами вишенника. Садъ былъ запущенъ, дорожки въ немъ давно заросли, только передъ самымъ домомъ, подъ окнами гостиной, сохранилось еще расчищенное мѣсто съ клумбами георгинъ и желтыхъ ирисовъ. Дальше шли рядами кусты крыжевника всѣхъ сортовъ—краснаго (винограднаго), бѣлаго и махроваго, красной и бѣлой смородины, малинника и вишень, а между ними стояли старыя развѣсистыя яблони, стволы которыхъ снизу до верху были покрыты сѣрыми лишаями. Весь садъ былъ окруженъ невысокимъ валомъ и аллеей большихъ, близко другъ къ другу стоящихъ березъ и ветелъ. На дальнемъ краю сада, за липовой аллеей, красовался огромный многовѣковой вязъ, обхватовъ въ пять, вершину котораго можно было видѣть за нѣсколько верстъ. Вязъ этотъ, и нынѣ существующій, извѣстенъ былъ уже во времена владычества Рославлева, какъ одно изъ самыхъ высокихъ и могучихъ деревьевъ всей округи.

Одною стороною садъ прилегалъ къ широкому пруду, вырытому въ 20-хъ годахъ прошлаго вѣка на мѣстѣ впаденія въ болото (нынѣ обсохшее) небольшой лѣсной рѣчки „Синички“. Когда копали прудъ, землю не вывозили на берегъ, а сваливали по срединѣ, и создакъ небольшой островокъ сажени три въ ширину и сажень 20 въ длину, сплошь заросшій ольхами и орѣшиной. Впослѣдствіи къ острову перекинуть былъ мостъ, и тамъ построена бесѣдка съ „трельжемъ“.

За большимъ вязомъ въ саду шли гряды клубники, а за ними начинался огородъ, гдѣ водились отличные огурцы. По другую сторону сада открывалась неширокая луговина, примыкавшая къ молодой осиновою роцѣ. Роца эта, въ полуверстѣ отъ сада, служила любимымъ мѣстомъ нашихъ прогулокъ. Вся изрѣзанная лѣсными дорогами, по обѣимъ сторонамъ которыхъ буйно росли густѣйшіе кусты лѣсного орѣшника, роца эта казалась намъ, дѣтямъ, какимъ-то волшебнымъ паркомъ. Въ Іюнѣ тамъ водилось на полянкахъ множество ландышей и ночныхъ фіалокъ, а во второй половинѣ лѣта появлялись подоси-

новые и бѣлые грибы. Ходить по грибы было главнымъ нашимъ удовольствиемъ, и мы часами бродили въ прохладной тишинѣ лѣса, часто возвращаясь домой съ пустыми корзинками. Но какая бывала радость найти подъ прѣлымъ листомъ, въ сырой пахучей землѣ, крѣпкій круглый боровикъ или красную шляпку подосиновика. Въ дождливые годы въ нашемъ лѣсу грибовъ было множество, и нерѣдко за одинъ разъ мы приносили домой двѣ-три полныхъ ручныхъ корзины отборныхъ молодыхъ грибовъ.

Мы дѣти, рѣдко сидѣли въ деревнѣ дома: намъ здѣсь, въ Лукьяновѣ, предоставлялось больше свободы, и мы цѣлые дни проводили во дворѣ и въ саду, играя, и между собой и съ сыновьями скотника Федора Егорова, мальчиками нашихъ лѣтъ, Ванькой и Лѣшею. Любимой моею игрою была „желѣзная дорога“. Во дворѣ около забора сложены были рядами большіе тесаные камни бѣлаго известняка, они изображали у меня поѣздъ; я часами игралъ около нихъ, представляя собою машиниста и кондуктора, подавая звонки и свистки и подражая голосомъ перебою колесъ идущаго поѣзда. Лѣша иногда игралъ со мной, изображая кочегара и таскалъ дрова на „тендеръ“. Мой старый изъ желтой жести барабанъ служилъ на паровозѣ предохранительнымъ клапаномъ, а деревянная конусообразная форма для песку играла роль свистка на локомотивѣ. При моей благонаравности никто не мѣшалъ мнѣ въ моей игрѣ, и когда надо было звать дѣтей къ завтраку или обѣду, то всегда знали, что меня найдутъ у моего каменнаго поѣзда, откуда я часто подавалъ голосомъ звонки и свистки. Болѣе меня рѣзвая сестра моя Еничка часто убѣгала въ садъ и огородъ, въ обществѣ Ваньки и внучки сапожника Ефрема Чебуреева, Акульки, прелестной дѣвочки Еничкиныхъ лѣтъ.

Другая игра, обоихъ насъ очень забавлявшая, была рыбная ловля; въ пруду водились жирные караси, и мы любили ловить ихъ самодѣльными удочками съ крючками изъ булавокъ. Ванюша умѣлъ отлично ихъ сгибать и привязывать къ лесѣ изъ нитокъ съ поплавкомъ изъ тесаной дощечки или старой пробки. Ванька копалъ на огородѣ червяковъ и ловко ихъ насаживалъ на крючки нашихъ удочекъ. Чтобы рыба охотнѣе клевала, нужно было прежде, чѣмъ закинуть удочку, поплевать на червячка, и это Ванька исполнялъ за насъ съ большимъ искусствомъ; онъ наблюдалъ и за самымъ ловомъ, и подсказывалъ намъ, когда „клюеть“ и когда надо вытаскивать удочку. Караси часто клевали и лакомились оплѣванными Ванюшею червяками, но попадались рѣдко на наши булавочные крючки. Ваня мастерилъ намъ и пастушьи кнуты. На короткое кнутовище навязывался длинный, аршина въ четыре кнутъ, свитый изъ пеньки. довольно толстый сверху и постепенно утончаю-

щійся внизу; на концѣ привязывалась тонкая крѣпкая бичевка съ хвостомъ изъ плетенаго конскаго волоса. Кнутъ этотъ перекидывается черезъ плечо и волочится сзади по землѣ, когда съ нимъ ходишь. Чтобы хлопнуть имъ, надо повертѣть его надъ своей головой, пока онъ не начнетъ описывать круги, и тогда быстрымъ и рѣзкимъ движеніемъ руки подхлестнуть конецъ. Въ опытныхъ рукахъ ударъ такого кнута громче пистолетнаго выстрѣла. Въ нашей мѣстности, къ сожалѣнію, давно уже вывелись пастушьи свирѣли, и пастухи по утрамъ, передъ выгономъ скотины на пастбище будятъ деревенскій людъ частымъ хлопаньемъ кнутовъ.

Жизнь на помѣщичьей усадьбѣ въ Лукьяновѣ была очень однообразна: „господа“ вставали поздно, не по-деревенски, пили не спѣша чай съ густыми сливками и теплымъ, домашняго печенья, пшеничнымъ хлѣбомъ и расходились каждый по своимъ домашнимъ занятіямъ: бабушка Юлія Федоровна садилась въ сѣняхъ варить на жаровнѣ въ большомъ мѣдномъ тазу варенье и смоквы; тетка Надежда Александровна вела на прогулку свою собачку „Жужку“; мы убѣгали въ садъ или съ горничными шли собирать клубнику, малину и смородину. Такъ проходило время до завтрака. За завтракомъ подавали простыя, но вкусныя блюда изъ своихъ деревенскихъ продуктовъ: горячія ватрушки со сметаной, молодой картофель со сливочнымъ масломъ, вареники съ творогомъ, крупенигъ, и неизмѣнно ягоды со сливками. Послѣ завтрака бабушка ложилась отдыхать, тетушка затворялась въ своей комнатѣ съ закрытыми отъ мухъ ставнями; мы, дѣти, опять бѣжали въ садъ и затѣвали игры съ нашими деревенскими друзьями—Ванькой, Лѣшей и Акулькой.

До гимназическихъ лѣтъ мы въ деревнѣ обходились безъ преподавателей и наставниковъ и только передъ обѣдомъ приходили на полъ-часа къ теткѣ читать вслухъ Христоматію Паульсона или Исторію Ветхаго и Новаго Завѣта Анны Зонтагъ. Деревенская свобода имѣла на насъ въ дѣтствѣ большое вліяніе; общеніе съ природой и деревенскимъ людомъ развило не только любовь къ деревнѣ, но и безотчетное, непосредственное ея пониманіе, что такъ рѣдко дается городскимъ жителямъ. Мы любили съ дѣтства смотрѣть на полевыя работы, ходить на скотный дворъ, кормить скотину, смѣло заходили на крестьянскіе дворы и въ крестьянскія избы, помогали грести сѣно, ѣздили на телѣгахъ въ поле за снопами. Нашему сближенію съ крестьянскимъ людомъ способствовали и наши воспитательницы: бабушка любила и умѣла поговорить съ мужикомъ, тетушка входила въ ихъ нужды и

принимала къ сердцу ихъ домашнія невзгоды. Особеннымъ ея расположеніемъ пользовался старый Данило Горячій, часто заходившій съ деревни безъ шапки на барскій дворъ поговорить о своихъ нуждахъ съ Надеждой Александровной. Тетушка садилась на стулъ на крыльцѣ, а Данило присаживался на ступеньку и рассказывалъ о своемъ житьѣ-бытьѣ и былыхъ временахъ. Тетушку онъ очень уважалъ и называлъ ее „Царица ты наша Небесная“. Другой любимецъ тетушки былъ захудалый мужиченко Спиридонъ, въ которомъ она находила много деликатности и душевнаго благородства. Спиридонъ любилъ выпить и тогда дѣлался смѣль и рѣчистъ, самъ про себя говоря, что онъ, пьяный,— губернаторъ. Но въ трезвомъ состояніи былъ робокъ и совѣстливъ. Онъ иногда приходилъ къ тетушкѣ занять у нея рубликъ на „поправку“ и возвращалъ свой долгъ съ чрезвычайной аккуратностью. Надежда Александровна была сердобольна къ своимъ „временнообязаннымъ“, часто прощала имъ недоимки оброка, помогала въ нуждѣ и лѣчила успѣшно домашними средствами, такъ напр. во время бывшей въ концѣ шестидесятыхъ годовъ холерной эпидеміи очень удачно излѣчивала больныхъ отваромъ сѣнной трухи и припарками изъ коноплянаго сѣмени.

Мы ложились спать въ деревнѣ позже, чѣмъ въ городѣ, и тихіе, теплые вечера въ Юнѣ мнѣ особенно памятны. Послѣ дневной жары тетушка любила выходить передъ вечернимъ чаемъ на прогулку и брала насъ съ собой. Отправлялись обыкновенно за плотину въ сторону деревни и садились на ступеньки пустого запаснаго хлѣбнаго амбара Лукьяновской общины, откуда видны были вся деревня, околица и высокая изба на краю, гдѣ Агафья Дмитріевна водила „карась“. Здѣсь, мимо насъ, съ мычаніемъ и бляніемъ пригонялось домой деревенское стадо: впереди съ визгомъ и хрюканьемъ опрометью мчались свиньи съ поросятами, затѣмъ кучей, поднимая облако пыли, бѣжали овцы, наконецъ неспѣшно шель рогатый скоть, и мы, дѣти, внимательно смотрѣли, какая корова войдетъ въ околицу первую: если рыжая или бѣлая, значитъ день будетъ ясный; если черная, то хмурый и дождливый. Коровы спускаются къ пруду, долго пьютъ илистую воду и расходятся по дворамъ, подгоняемыя бабами и ребятишками. Наконецъ заскрипѣли послѣдніе ворота, скоть загнанъ, въ избахъ засвѣтились огоньки, стреноженные лошади заковыляли по улицѣ къ выгону, въ „ночное“, за деревнею въ болотѣ закричалъ дергачъ. Мы сидимъ и слушаемъ молча, какъ замираютъ вечерніе звуки, смотримъ на загорающія звѣзды, любуемся на отраженіе луны въ прудѣ и на прозрачныя тѣни береговыхъ ветель. „Пора домой, дѣти“, говорить те-

тушка, и мы покорно поднимаемся и идемъ за ней въ полутьмѣ черезъ плотину, гдѣ внизу черно и жутко и гдѣ, быть можетъ, прячется дѣдушка водяной. А дома въ гостиной, на кругломъ столѣ, подъ лампой, кипитъ уже самоваръ, и бабушка, заваривъ чай, снимаетъ въ хрустальный молочникъ сливки изъ большой, влажной крынки молока, только что принесенной съ погреба. Засыпая на диванѣ, въ бабушкиной комнатѣ, я думалъ: „поскорѣ бы прошла ночь, да была бы завтра хорошая погода, чтобы набѣгаться въ саду и наиграться въ желѣзную дорогу“. Въ дождливые дни было скучно, въ несвѣтлыхъ комнатахъ дома становилось еще темнѣе и, чтобы чѣмъ нибудь занять насъ, мнѣ и сестрѣ давали вязать на рогулькѣ шнурокъ изъ краснаго шелка, или сажали за чистописание и ариѳметическія задачи. За то послѣ дождя можно было бѣжать, надѣвши галоши, къ пруду и закинуть съ мостика удочку: послѣ дождя рыба всегда клюётъ. Разъ, закидывая такъ удочку, я поскользнулся и съхалъ по поясъ въ воду. Выкорабившись съ трудомъ на мокрѣя доски, я вернулся домой съ людского хода, чтобы не испугать своимъ видомъ бабушку, которая варила клубнику въ сѣняхъ и могла бы напрасно встревожиться: прудъ у берега былъ очень мелокъ, и я не могъ утонуть, свалившись въ воду съ мостика.

Деревенская жизнь въ Лукьяновѣ изрѣдка разнообразилась прїѣздомъ изъ Москвы дѣдушки Александра Ивановича и Константина Михайловича Балашева, который, какъ я упомянулъ въ предыдущей главѣ, впоследствии женился на теткѣ моей Надеждѣ Александровнѣ, владѣлицѣ Лукьянова. Однажды такой прїѣздъ чуть не стоилъ жизни бабушкѣ Юліи Федоровнѣ. Дѣдушка прїѣхалъ поздно вечеромъ, когда всѣ уже въ домѣ спали, и усердный ящикъ, его привезшій, чтобы разбудить прислугу, сталъ неистово стучать кулаками въ обѣ входныя двери и ставни передней и столовой. Бабушка въ испугѣ вскочила съ постели и, вообразивъ, что въ домъ ломятся разбойники, отворила окно своей спальни и выпрыгнула въ садъ съ высоты болѣе трехъ аршинъ. Ее нашли полчаса спустя лежавшую на травѣ, въ обморокѣ. Къ счастью бабушка не ушиблась серьезно, но отъ нервнаго потрясенія съ ней сдѣлалась горячка, и она пролежала въ постели болѣе недѣли въ сильномъ жару и долго не могла поправиться.

Произшествіе это дало толчекъ моему дѣтскому воображенію, и я всю остальную часть лѣта игралъ въ „разбойники“ и каждый вечеръ вѣшалъ надъ диваномъ, на которомъ спалъ, свой игрушечный пистолеть, заряженный бумажнымъ пистономъ, и охотничій ножъ, вырѣзанный для меня Ванькою изъ мягкаго осиноваго дерева.

Изъ нашихъ сосѣдей чаще всѣхъ насъ навѣщала помѣщица сел. Скрипина Анна Викентьевна Осипова съ двумя дочерми своими, Ольгой и Машей. Ольга была старше насъ, а Машенька моложе, что не мѣшало намъ дружить и играть вмѣстѣ. Скрипино отстояло отъ Лукьянова всего въ полтора верстѣ и представляло собою примѣръ начинавшагося тогда помѣщичьяго оскудѣнія. Мужъ Осиповой служилъ въ провинціи, гдѣ-то на югѣ, и рѣдко навѣщалъ свою семью. Хозяйство держалось Анной Викентьевной, но шло плохо. Ужъ въ то время въ Московской губерніи земледѣліе не давало дохода при скудости почвы, дороговизнѣ рабочихъ рукъ и отсутствіи предпримчивости,—ни травосѣяніемъ и молочнымъ хозяйствомъ, ни огородничествомъ тогда еще не занимались. Имѣніе Осиповой въ 150 десятинъ съ хорошимъ березовымъ лѣскомъ и старымъ запущеннымъ садомъ сохранило немного остатковъ прежняго барскаго владычества. Большой домъ давно сгорѣлъ, и сами Осиповы жили въ небольшомъ деревянномъ флигелѣ о четырехъ комнатахъ съ покосившимся крыльцомъ и тесовою крышей. По ту сторону слишкомъ большого для такой усадьбы двора стояли хозяйственные постройки, и между ними обширная „клуна“, гдѣ среди разнаго стараго хлама хранилась пыльная карета Александровскихъ временъ и, въ дубовыхъ окованныхъ сундукахъ, дѣдовскіе мундиры, порыжелыя военныя шинели, ржавыя шпаги съ стальными эфесами, тяжелые палаши, дуствольныя пистолеты съ серебряной насѣчкой, высокія треуголки и черныя кивера. Въ жаркіе Іюльскіе дни эти остатки славной эпохи выносились босоногою кухаркою изъ клуны и просушивались на солнцѣ, развѣшанные на веревкахъ и разложенные на травѣ. Но въ домикѣ Анны Викентьевны было чисто, уютно и привѣтливо. Хозяйка, еще не старая женщина, высокая и очень полная съ круглымъ веселымъ лицомъ и двойнымъ подбородкомъ, отличалась неистощимымъ весельемъ, беззаботностью и гостепріимствомъ. Все ее смѣшило, и самыя невзгоды своей тяжелой жизни встрѣчала она съ неудержимымъ смѣхомъ. Разъ тетушка Надежда Александровна застала всю семью Осиповыхъ въ слезахъ: пастухъ только что прибѣжалъ изъ лѣсу сказать, что лучшая корова изъ барскаго стада упала въ канаву и переломала себѣ ноги. Анна Викентьевна утирала слезы, но отъ души хохотала, рассказывая, какъ испуганный пастухъ кланялся ей въ ноги, повторяя: „Корова, Анна Викентьевна! Скотина, Анна Викентьевна!“ пока отъ него не добились, что случилось.

Осиповы жили однѣ въ своемъ домикѣ, а немногочисленный штатъ прислуги ютился за кухнею въ людской. Чтобы оградить себя отъ лихихъ людей, Осипова завела двухъ собакъ овчарокъ, купленныхъ

у Цыгана, которыя днемъ сидѣли на цѣпи, а вечеромъ отпускались на волю. Овчарокъ звали „Колдунъ“ и „Вѣдьма“, и лучшихъ сторожей не было во всей округѣ. Ихъ боялись не только посторонніе, но и своя домашняя прислуга не рисковала ночью выходить изъ людской избы. Громаднаго роста, лохматые и свирѣпые, Колдунъ и Вѣдьма были грозой нищихъ, прохожихъ странниковъ и всякаго бродячаго люда и слушались одной Анны Викентьевны и сельскаго священника Ивана Филиповича, частаго посѣтителя Осиповыхъ.

Какъ Лукьяново, такъ и Скрыпино принадлежать къ приходу Михаила Архангела, при селѣ Карповѣ. Когда мы въ первый разъ пріѣхали въ Лукьяново, церковь Михаила Архангела находилась на погостѣ въ полуверстѣ отъ Скрипина, гдѣ стоялъ и домъ священника. Молодой поць Иванъ Филиповичъ, только-что кончившій Московскую Семинарію и получившій Карповскій погостъ въ приданое за своей попадѣей Лисаветой Васильевной, мало подходилъ по своему нраву къ обязанностямъ сельскаго священника. Красивый собой, свѣтлорусый и бѣлолицый, онъ одѣвался франтовато, носилъ бѣлые воротнички и рукавички съ запонками, подстригалъ волосы и бороду, писалъ стихи, игралъ на гитарѣ, пѣлъ свѣтскіе романсы и цѣлые вечера просиживалъ у Осиповыхъ, читалъ имъ вслухъ Лермонтова и неспѣшно скручивалъ себѣ короткія папиросы изъ тонкой рисовой бумаги. Мы любили Ивана Филиповича за его обходительность, простоту, спокойное достоинство и ровность въ обращеніи. Всегда одинаковый, вѣжливый, безъ всякаго искательства, чистоплотный до педантизма и сдержанный, онъ подкупалъ своимъ умѣньемъ держать себя въ обществѣ. Многіе столичные батюшки могли бы позавидовать его „хорошимъ манерамъ“. Но мужика онъ презиралъ за его грубость и грязь и къ церкви относился довольно равнодушно, хотя служилъ исправно и благочинно.

Бывало, мы отпросимся къ Осиповымъ сейчасъ послѣ обѣда, часовъ въ 5, а Иванъ Филиповичъ уже тамъ, сидитъ въ гостинной на диванѣ съ гитарой и, акомпанируя себѣ, напѣваетъ „Пряди, моя пряха, пряди не лѣнися“ или „На зарѣ ты ея не буди“ и т. п. Часто мы, дѣти, просили его спѣть еще и еще и выучились у него многимъ Русскимъ пѣснямъ, какъ напр. „Въ темномъ лѣсѣ“, „Вотъ на пути село большое“, „Среди долины ровныя,“ и т. п. У Осиповыхъ часто гостили родственники и друзья изъ Коломны и сел. Шкини, кадеты, барышни и юнкера; тогда устраивались веселыя вечеринки, молодежь танцевала, играла въ фанты и веревочку, наряжалась и пѣла хоромъ. Иванъ Филиповичъ принималъ живое участіе во всѣхъ затѣяхъ, но не танцевалъ и только по неотступной просьбѣ закостюмированныхъ гостей на короткое время надѣвалъ длинный бурнусъ Анны Викентьевны и

ея старую шляпу съ вуалью. Сама хозяйка была душой веселья; заражала всѣхъ своимъ смѣхомъ, изображала комическую старуху, играла вальсы и мазурки на разстроенномъ роялѣ, угощала гостей чаемъ съ вишневымъ вареньемъ, сливками и душистыми горячими булочками изъ сладкаго сдобнаго тѣста. Иногда веселье заходило за полночь, и замаскированная компанія провожала насъ съ пѣснями до самаго Лукьянова.

Весьма понятно, что свѣтская жизнь Ивана Филиповича не нравилась старикамъ и причту. Начались сплетни и доносы, и сама попадья Лисавета Васильевна, постоянно беременная и съ подвязанной щекой отъ зубной боли, жаловалась на батюшку сосѣдямъ и видимо его ревновала къ Аннѣ Викентьевнѣ. Слухи пошли уже, что Карповскаго священника переводятъ въ какой-то глухой уголь; но совершилось чудо, которое измѣнило отношеніе мѣстнаго крестьянства къ Ивану Филиповичу и повліяло на собственный его характеръ. Старуха-просвирня видѣла во снѣ икону Казанской Божіей Матери и пришла къ батюшкѣ повѣдать свой сонъ. Иванъ Филиповичъ прогналъ просвирню съ досадою: „мало-де какіе сны снятся старухамъ!“ Но просвирня не унялась, черезъ нѣсколько дней опять пришла съ тѣмъ же. Нечего дѣлать, послалъ съ ней батюшка пономаря поискать въ притворѣ и на колокольнѣ, не забыта ли гдѣ икона. Но ничего не нашли. Не прошло однако недѣли послѣ этого, сидитъ батюшка въ Скрипинѣ и вертитъ себѣ папироски, бѣгутъ къ нему съ погоста съ странной вѣстью: у дороги на озимомъ полѣ, гдѣ съ незапамятныхъ временъ сѣялась попова рожь, случился обвалъ, провалилась земля шага въ два шириной въ поперечникъ и открылся неглубокій колодець. Сбѣжался народъ, пришелъ и батюшка: видитъ—дѣйствительно на полѣ у погоста, среди выколосившейся ржи, земля кругомъ осѣла и открыла колодець съ водою; видѣнъ и срубъ почти свѣжій, а на водѣ что-то плаваетъ; спустился туда паренекъ на веревкѣ и вынесъ икону Казанской Божьей Матери на доскѣ старыхъ писемъ, нимало не пострадавшую отъ сырости.

Вѣсть о чудесно явленной иконѣ разнеслась вскорѣ по всей округѣ. Съ благословенія Московскаго митрополита образу Казанской Божьей Матери стали служить общественные молебны. Карповскій погостъ сдѣлался мѣстомъ паломничества тысячъ богомольцевъ не только изъ Московской, но и сосѣднихъ губерній. Объявились исцѣленія, десятки кликушъ и калѣкъ потянулись къ святому колодцу. Ивану Филиповичу приходилось служить по 15—20 молебновъ въ сутки, съ утренней до вечерней зари. Замолкла гитара, некогда батюшкѣ и папироску выкурить, о визитахъ въ Скрипину пришлось совсѣмъ позабыть; но не прошло и года, какъ надъ колодцемъ была уже сооружена часовня,

церковь вновь отдѣлана и покрашена масляной краской, ветхая колокольня замѣнена новой съ ярко позолоченнымъ крестомъ, а тамъ и батюшка построилъ себѣ новый домикъ въ три чистыхъ горницы, завелъ сытую лошадку съ плетеной тѣлежкой, выписалъ газету изъ Москвы, подарилъ попадѣ шелковое платье....

Но этимъ „чудо“ еще не кончилось. По зависти и доносамъ перевели Ивана Филиповича черезъ три-четыре года послѣ явленія иконы въ сосѣднее село Губино, въ бѣдный приходъ, населенный преимущественно раскольниками беспоповскаго толка. Не успѣлъ еще новый священникъ поселиться на Карповскомъ погостѣ, какъ въ жаркій Юльскій день разразилась сильнѣйшая гроза; молонья ударила въ новую колокольню, и вся церковь сгорѣла до тла. Чудотворную икону едва успѣли вынести изъ горѣвшаго храма, и кромѣ нея почти ничего не осталось отъ всего церковнаго имущества. Замѣчательно, что и церковь Михаила Архангела не возобновилась больше на мѣстѣ сгорѣвшей: крестяне богатаго села Карпова пожелали устроить новый каменный храмъ *) у своей околицы, туда перенесены были и уцѣлѣвшіе домъ причта. На погостѣ осталась одна часовня надъ колодеземъ, и самое паломничество къ нему прекратилось. Только въ праздникъ Казанской Божьей Матери совершаются туда крестные ходы и носятъ явленную икону по Карпову, Скрыпину и Лукьянову въ теченіе трехъ дней, для служенія частныхъ и общественныхъ молебновъ.

И къ намъ, на усадьбу, приносили ежегодно, на другой день послѣ Казанской, святую икону и пѣли молебенъ съ водосвятиемъ у пруда, подъ кленами. На меня въ дѣтствѣ эти молебны производили всегда сильное впечатлѣніе. Ужъ съ утра мы были одѣты въ чистыя праздничныя платья и съ нетерпѣніемъ ждали, когда на лугу будетъ все приготовлено, что нужно для молебна: столъ, покрытый чистой, бѣлой скатертью, на столѣ миска съ водою подъ шитымъ узоромъ полотенцемъ; рядомъ, на глубокой тарелкѣ, стаканъ; противъ стола, на травѣ, скамья, куда ставилась икона, приносимая въ тяжеломъ кіотѣ, украшенномъ яркими лентами, искусственными цвѣтами и бусами. Наконецъ кто-то кричить: „несутъ, несутъ!“ Крестный ходъ съ хоругвями, запрестольнымъ крестомъ, фонаремъ и чудотворной иконой показывается на улицѣ и неспѣшно поворачиваетъ на нашу плотину. Мы съ бабушкой и теткой, прислуга, рабочіе, собираемся во дворъ, куда сходитя за крестнымъ ходомъ и вся деревня: мужики въ сапогахъ и кафтанахъ, бабы и дѣвки разодѣтыя по праздничному, бѣлоголовыя дѣти, старухи, подвязанныя

*) Всѣ образа трехъ-яруснаго иконостаса, кромѣ мѣстныхъ, писаны моею сестрой Евгеніей Андреевной Лукиной.

черными платками, нищие съ холщевыми торбами, и между ними нашъ „нѣмой“, живущій изъ милости въ Лукьяновѣ въ качествѣ безсмѣннаго подпаса. „Нѣмой“ издали кланяется намъ съ веселой улыбкой на перекошенномъ отъ рожденія угловатомъ лицѣ и машетъ высохшими руками, безпрестанно крестясь и подпрыгивая. Мы боимся Нѣмого, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ насъ смѣшитъ и интересуеть. Священникъ ровнымъ, привычнымъ голосомъ читаетъ, не раскрывая Евангелія, „Воставши Маріамъ иде въ горняя....“. Послѣ водосвятія худой и длинный пономарь Иванъ Дмитріевичъ, въ долгополомъ порыжѣломъ сюртукѣ, съ шею обмотанною толстымъ шарфомъ и съ упрямой низко спадающей прядью выцвѣтшихъ волосъ на лбу, подноситъ бабушкѣ и тетускѣ святую воду, при чемъ держитъ тарелку съ стаканомъ обѣими руками прямо передъ своимъ лицомъ, наклонивъ голову и не спуская глазъ со святой воды, какъ бы боясь ее пролить. Мы приглядываемся ко кресту, отъ котораго пахнетъ мокрымъ металломъ, и къ блистающей на солнцѣ позолотой, новой ризѣ чудотворнаго образа. Батюшка и отецъ-діаконъ послѣ молебна заходятъ въ домъ выпить наскоро чашку чая, чтобы идти дальше съ крестнымъ ходомъ на деревню.

Изъ другихъ сосѣдей Лукьянова мы вели знакомство только съ Семеновыми и съ Максимовскими барышнями. Ближайшія наши сосѣди Семеновы (мать и дочь) жили почти безвыѣздно въ деревнѣ и поглощены были хозяйственными заботами. Старуха Семенова, маленькая и довольно полная, лѣтъ 65-ти, рѣдко выходила изъ дому и была цѣлый день занята чисткой ягодъ, вареніемъ, соленіемъ и сушеніемъ (въ ея покояхъ всегда пахло яблоками). Дочь ея Лисавета Михайловна, дѣвица лѣтъ сорока, совершенно глухая, отдала себя полевому хозяйству; она вставала раньше рабочихъ и, въ высокихъ мужскихъ сапогахъ и круглой соломенной шляпѣ грибомъ, выходила каждое утро въ поле или на сѣнокосъ, лично занимаясь всѣми мелочами. Бывало, сидитъ у насъ и вдругъ заторопится и начинаетъ прощаться, краснѣя и открывая въ широкой улыбкѣ рядъ крупныхъ, ослѣпительно бѣлыхъ зубовъ; „Куда вы спѣшите“, удерживаетъ ее тетушка. „Нельзя“, извиняется Лисавета Михайловна, „пора домой масло подливать“. Оказалось, что расчетливая хозяйка сама подливала въ кашу рабочимъ конопляное масло, зная по опыту, что мужикъ держится поговорки „масломъ каши не испортишь“, и когда оно не покупное, любить лить его въ кашу „до зѣлена“.

Разговоры ея всегда вертѣлись около хозяйства, и она обыкновенно жаловалась на лѣнь и пьянство рабочихъ, на покражи и отравы, на дороговизну и разныя мелкія хозяйственныя невзгоды: то съ поля два

снопа у нея украли, то свинья подавила десятокъ своихъ же поросятъ, то индюшки поколѣли отъ невѣдомой причины и т. п. Говорить съ ней было, вслѣдствіе ея глухоты, очень трудно; приходилось писать слова на грифельной доскѣ или чертить пальцемъ на ея ладони. Послѣдній способъ давалъ поводъ къ разнымъ смѣшнымъ недоразумѣніямъ; напр. тетушка Надежда Александровна чертитъ ей на ладони „Петербургъ“, а Лисавета Михайловна по первымъ буквамъ уже заключаетъ, что тетушка хочетъ спросить о „пѣтухѣ“ и начинаетъ съ живостью рассказывать о своемъ птичьемъ дворѣ. Для полноты характеристики нужно замѣтить, что Семеновы были люди съ хорошими средствами.

Максимовскія барышни были своего рода „Послѣдніе Могикане“ дореформеннаго помѣщичьяго строя. Я не помню ни ихъ именъ, ни ихъ фамиліи, не могу даже сказать, сколько ихъ было, такъ онѣ были похожи одна на другую: всѣ старыя, тоненькія, съ бархатной ленточкой на шеѣ, въ бѣлыхъ дѣвическихъ платьяхъ съ мелкими оборками, въ митенкахъ и кружевныхъ косыночкахъ, онѣ неумолчно щебетали что-то невнятное, кружились по комнатамъ, показывали намъ старые альбомы съ рисунками, стихами и засушенными листочками, угощали чаемъ съ розовымъ вареньемъ и водили любоваться крохотнымъ цвѣтникомъ и видомъ съ балкона на Чаплыгинскую церковь и большую дорогу; близостью послѣдней къ ихъ имѣнію онѣ очень гордились, также какъ и племянникомъ, юнымъ гусаромъ, служившимъ, кажется, въ Варшавѣ. Приѣздъ племянника въ деревню хотя и былъ радостенъ, но измѣнилъ тихое теченіе жизни Максимовскихъ барышень. Онѣ жили изо дня въ день, въ родной обстановкѣ двадцатыхъ годовъ, окруженныя преданными старыми слугами изъ своихъ же бывшихъ дворовыхъ, съ которыми онѣ сжились и покумились и внуки которыхъ всѣ считались ихъ крестниками и крестницами. Освобожденіе крестьянъ прошло мимо нихъ незамѣтно; онѣ ни въ чемъ не измѣнили своего прежняго скромнаго но приличнаго помѣщичьяго уклада: одѣвались въ старыя платья, сшитыя полъ-вѣка тому назадъ; кушали, какъ принято было прежде для дѣвицъ, мало и самую легкую пищу; пили много чая съ вареньемъ и лакомились домашними смоквами, пастилами и печеньями. День уходилъ у нихъ на разговоры между собою и съ прислугой, интимною жизнью которой онѣ очень интересовались, на поливку цвѣтовъ передъ балкономъ, на перечитываніе старыхъ писемъ и переборку старыхъ вещицъ и тряпокъ въ комодикахъ, столикахъ и ветхихъ картонахъ, гдѣ хранились обрывки кружевъ и матерій, пожелтѣвшія отъ времени батистовыя платки, плюшевыя башмаки съ ленточками, кошельки, мѣшечки съ сухими лепестками розъ, пустые флаконы отъ духовъ,

коротенькіе вѣра и поблекшія лайковыя перчатки. Весь этотъ хламъ онѣ тщательно пересматривали и бережно перекладывали съ мѣста на мѣсто. Такъ незамѣтно подходилъ вечеръ съ чаемъ, разговорами о деревенскихъ дѣлахъ съ какой нибудь случайно зашедшей крестницей, съ гаданьемъ на картахъ все объ одномъ и томъ-же, когда-же пріѣдетъ погостить на дѣто племянникъ-гусарь.

И онѣ пріѣхалъ молодой, ласковый, красивый, средняго роста, съ черными тонкими усиками, блѣднымъ лицомъ и большими южными глазами. Восторгу, восхищенію тетушекъ не было конца, особенно, когда оказалось, что племянникъ пріѣхалъ на долго. Онѣ не могли налюбоваться на его венгерку и чикчиры, примѣряли передъ зеркаломъ его форменную фуражку съ яркимъ околышемъ, не знали, какъ угодить ему. Но увы, молодой красавецъ пріѣхалъ въ деревню не на радость милыхъ старушекъ: открылось, что онѣ страдаетъ неизлѣчимой тяжелой болѣзнью; уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ ему пришлось ходить на костыляхъ. Здоровье его ухудшалось съ каждымъ днемъ. Не знаю, кто кого пережилъ, племянникъ тетушекъ или наоборотъ; но скоро Максимовская усадьба опустѣла, и самая память о Максимовскихъ барышняхъ испарилась. Онѣ точно ушли въ ту отдаленную эпоху, память о которой сквозила въ каждомъ ихъ словѣ, въ каждомъ движеніи.

Не менѣе грустно кончилась исторія и другого сосѣдняго намъ дворянскаго гнѣзда Скрыпина: Анна Викентьевна Осипова заболѣла, у знакомыхъ въ Коломнѣ, тифомъ и въ нѣсколько дней, почти внезапно, скончалась. Послѣ нея Скрыпино было продано лѣснику Коряпкину за безцѣнокъ и, какъ истинный хищникъ, лѣсникъ свелъ въ первое же лѣто березовую рощу, вырубилъ весь старый липовый садъ и распилил домъ и амбаръ на дрова. Куда дѣвались мундиры и кивера Александровскихъ временъ и палаши, которыми предки Осиповыхъ рубили Француза подъ Таругиномъ, того не могли мнѣ сказать оставшіяся послѣ Анны Викентьевны сиротами Оленька и Мишенька, впоследствии вышедшія замужъ за офицеровъ въ провинціи.

Кто не жилъ съ дѣтства въ деревнѣ не можетъ постичь всей ея прелести. Лукьяново и его окрестности не отличались красотой, но казались намъ необыкновенно привлекательными.

Иногда бабушка Юлія Ѳедоровна предпринимала съ нами поѣздки въ окрестныя села, на ярмарки, или въ Коломну, „за сухой провизіей“, сахаромъ для варенья и т. п. Эти поѣздки доставляли намъ великое удовольствіе. Коломна верстахъ въ 17 отъ Лукьянова по направленію къ Юго-востоку. Чтобы засвѣтло вернуться домой и не томить лошадей

по жарѣ, приходилось выѣзжать рано утромъ, часовъ въ 5. Крѣпко спится въ теплой постелѣ, но при первомъ движеніи въ домѣ вскакиваешь, на скоро умываешься, одѣваешься и бѣжишь въ столовую пить чай. Тамъ бабушка уже собираетъ что нужно въ дорогу: чай, сахаръ, сушки, карамельки, кипяченое молоко въ бутылкѣ дѣтямъ для питья. Лошади поданы и ждутъ у подѣзда. Въ росистое, свѣжее утро весело выѣзжать за деревенскую околицу. Скотину уже выгнали въ стадо; надъ избами, въ прозрачномъ воздухѣ, поднимаются струйки дыма изъ трубъ; на улицѣ безлюдно и тихо, только пѣтухи перекликаются по дворамъ, да утки мѣрно крикаютъ на прудѣ. А въ полѣ пахнетъ влажной землей, жаворонки заливаются въ овсахъ, утренній вѣтеръ щекочетъ лицо, солнце играетъ на мокрой травѣ и слѣпить сонные глаза. Но нельзя спать: слишкомъ радостно на душѣ, хотѣлось бы выпрыгнуть изъ тарантасика и бѣжать рядомъ съ лошадьми, по мягкой дорогѣ, мимо полосъ желтѣющей ржи и зеленого еще не выколосившагося овса. Вотъ, черезъ Аванасьевскій лѣсокъ, подѣзжаемъ уже къ Мячкову, когда-то принадлежавшему графинѣ Самойловой, а впоследствии отставному штабъ-ротмистру Заливскому, мировому посреднику перваго призыва. За Мячковымъ, верстахъ въ 6-ти, полноводная, глубокая рѣка Сѣверка, на берегу которой раскинулась усадьба нашего посла въ Вѣнѣ Е. Н. Новикова-Непечыно, съ большимъ вѣковымъ паркомъ и старой церковью. А тамъ недалеко уже и до Сандырей, сдѣлавшихся пригородомъ Коломны. Наши уѣздные Великорусскіе города имѣютъ своеобразную прелесть и чѣмъ они захоластиѣе, тѣмъ болѣе въ нихъ поэзіи. Теперь Коломна, благодаря желѣзной дорогѣ и заводу Струве, сдѣлалась большимъ промышленнымъ центромъ; но во время моего дѣтства, лѣтъ сорокъ тому назадъ, она была еще типичнымъ уѣзднымъ городкомъ, чрезвычайно живописно расположенномъ при впадении Москвы рѣки въ Оку. Тутъ издавна славился знаменитый Голутвинъ монастырь, обнесенный высокой каменной стѣной съ башнями и бойницами. Уже издали блестяли позолоченные куполы и колокольни Коломенскихъ церквей, но самый городъ утопалъ въ садахъ и точно сползалъ по зеленымъ берегамъ къ Москвѣ-рѣкѣ, опоясанный безчисленными огородами. По немощенымъ улицамъ тянулись покосившіеся, потемнѣвшіе отъ времени тесовые заборы, на поросшихъ низкой ярко-зеленой травой площадяхъ мирно паслись коровы, прохожихъ было мало, извозчиковъ и гостинницъ не было вовсе. Мы останавливались на постояломъ дворѣ на какой-то большой пыльной площади, недалеко отъ собора.

На постояломъ дворѣ пахло дегтемъ, навозомъ и печенымъ ржанымъ хлѣбомъ. Намъ отводилась лучшая комната на верху, куда шла

крутая лѣстница съ скрипучими некрашеными ступенями. Тамъ накрывали передъ диваномъ, подъ большой иконой въ темномъ кіотѣ, столъ пестрою тканьевою скатертью и ставили чайный приборъ со свѣжими Французскими булками. Мы съ удовольствіемъ пили чай и шли за покупками на базарную площадь. Здѣсь мое вниманіе особенно привлекали продавцы лошадей Цыгане въ огромныхъ картузахъ съ черными всклокоченными бородами, окружавшіе заѣзжихъ помѣщиковъ въ форменныхъ фуражкахъ, съ кавалерійскими усами, въ черкесахъ и коломянковыхъ поддевахъ. Забавно было смотрѣть, съ какой лихостью Цыгане скакали по площади на взьерошенныхъ тощихъ лошадяхъ, настегивая ихъ изо всей силы вожжами. Въ лавкахъ на площади, куда бабушка заходила съ нами покупать банки для варенья, пшеничную муку и патоку, стояли большія черныя бутылки съ коноплянымъ масломъ, лари съ овсомъ и горохомъ, висѣли ужища веревокъ и ременные вожжи, пахло сыромятной кожей, ворванью, мукою и рогожами; стаи голубей подбирали просыпанныя зерна у дверей лабазовъ и сновали между ногами покупателей и молодцовъ. Къ полудню базарная площадь пустѣла, отдѣльные возы стояли тамъ и сямъ съ распряженными лошадьми: должно быть, хозяева ихъ засидѣлись въ харчевняхъ и трактирахъ, пріютившихся кругомъ. Съ полуденнымъ жаромъ на улицы городка спускалось сонное спокойствіе; рѣдкіе прохожіе не слѣша, шли мимо пустынныхъ заборовъ, лавки притворяли свои двери, низенькіе одноэтажные домики на солнечной сторонѣ закрывали свои ставни. Бабушка отдыхала на жесткомъ диванѣ постоялаго двора, закрывъ лицо носовымъ платкомъ отъ мухъ, а мы сидѣли, облокотясь на подоконникъ, и смотрѣли на улицу или выходили на деревянную галерею и наблюдали, какъ внизу во дворѣ мужики запрягали лошадей, увязывали воза и подмазывали изъ лагунокъ съ дегтемъ колёса телѣгъ и тарантасовъ.

Обратный путь въ Лукьяново былъ болѣе утомителенъ: дорога пылила, солнце слѣпило глаза, лошади бѣжали лѣниво, отмахивая хвостами назойливыхъ слѣпней; въ тарантасѣ сидѣть было жарко и неудобно. Возвращались иногда на Андреевку и Степанцино по большой дорогѣ, гдѣ немилосердно трясло, и тарантасъ съ грохотомъ подпрыгивалъ по крупному, неубитому щебню. Наконецъ, сворачивали съ „большака“ на проселокъ и ѣхали веселѣе знакомой дорогой, мимо ржи и овса, на Карпово къ Лукьяновскому рубежу, откуда открывался видъ на деревенскіе зады, прудъ и нашу усадьбу. Тутъ ужъ рукой подать. За плотиной домашнія собаки встрѣчали насъ радостнымъ лаемъ, и на крыльцо выходила тетушка; прислуга бросалась высаживать насъ и

вынимать изъ подъ сидѣнья кульки съ бѣлымъ хлѣбомъ, баранками и мелкимъ сахаромъ: банки, мука и сухая провизія шли въ отдѣльной повозкѣ.

Раза два въ лѣто бабушка предпринимала съ нами поѣздки на деревенскія ярмарки въ Петровское или Сабурово. Петровская ярмарка бывала въ Петровъ день, 29 Юня, и отличалась многолюдствомъ и оживленіемъ. Пріѣзжали мы обыкновенно къ обѣднѣ и прямо проходили въ церковь, гдѣ шла праздничная служба. Въ церкви мужики въ поддевкахъ и сапогахъ стояли по правую сторону, а бабы по лѣвую. Мы проходили чрезъ толпу молящихся впередъ и становились передъ амвономъ, рядомъ съ деревенской дѣтворой, одѣтой въ чистыя рубашечки и „продуванки“. Служба шла торжественно и чинно; священникъ и діаконъ въ свѣжихъ газетовыхъ ризахъ, съ пышно расчесанными волосами, не спѣша, произносили молитвенные возгласы; на клиросѣ пѣлъ хоръ мужиковъ довольно складно. Я смотрѣлъ съ любопытствомъ, какъ мужики истово и часто крестились, встряхивая длинными „висками“ *) при каждомъ поклонѣ; какъ псаломщикъ въ длинномъ черномъ сюртукѣ съ бѣлымъ платкомъ на шеѣ выносилъ изъ алтаря и раздавалъ бабамъ вынутыя просвирки съ поминаніями; какъ какой-то старикъ, въ оловянныхъ очкахъ и засаленной поддѣвкѣ, замѣнялъ обгорѣвшія свѣчи у мѣстныхъ иконъ новыми и тушилъ восковые огарки своими корявыми пальцами. Въ церкви было душно, пахло ладаномъ и сапогами, часто кричали грудныя дѣти, и слышно было, какъ звякали мѣдныя деньги у свѣчнаго ящика. Послѣ молебна весь празднично одѣтый людъ высыпалъ на улицу, гдѣ разставлены были сколоченныя изъ тесинъ лавочки и лари съ разными деревенскими товарами, какъ-то ситцами, головными платками и картузами, чайной посудой, орѣхами, пряниками, Цареградскими стручками и подсолнухами; около возовъ продавались грабли, рѣшета, корцы изъ бересты, лапти, глиняные горшки, крынки и махотки, деревянные чашки, ложки и солонки. Торговля шла бойко: бабы постарше толпились около возовъ съ горшками, помоложе—у лавокъ съ ситцами; мужики разбирали грабли; дѣти глазѣли на писаные пряники и лубочныя картинки. Бабушка Юлія Федоровна на деревенскія ярмарки ѣздила не безъ практической цѣли—купить посуды для кухни и людской, ситцу для подарковъ женской прислугѣ, холста для половиковъ и фартуковъ. Намъ покупались мелкіе пряники „жамки“ для роздачи дворовымъ дѣтямъ, и глиняныя уточки-свистульки. Помню однажды, проголодавшись на одной изъ такихъ ярмарокъ, зашли мы

*) Въ нашей мѣстности „висками“ называются волосы у мужчинъ.

въ избу, чтобы выпить молока съ чернымъ хлѣбомъ. Хозяйка, немолодая женщина въ повойникѣ и темномъ сарафанѣ, угощала насъ луковникомъ и превкусными ржаными лепешками, еще горячими.

Осталась въ памяти и поѣздка наша съ бабушкой въ село Никитское, вотчину покойнаго Ивана Андреевича Рославлева. Никитское лежитъ при большой дорогѣ, верстахъ въ 10-ти отъ Лукьянова, на ровной, высокой мѣстности. По „большаку“ вытянулись лицомъ къ барской усадьбѣ избы мужиковъ. За небольшой рѣчкой на холмѣ раскинулся старый липовый паркъ, среди котораго возвышается огромный господскій домъ, каменный, двухъэтажный, съ высокими колоннами и боковыми флигелями.

Домъ поразилъ меня своими размѣрами и величественнымъ фасадомъ. Передъ домомъ разбитъ былъ цвѣтникъ, спускающійся террасами къ рѣчкѣ; по другую сторону открывался широкій ровный дворъ, поросшій газономъ съ кругомъ липовыхъ деревьевъ по срединѣ; за дворомъ шель паркъ съ прудами и бесѣдками. Принадлежавшее въ то время наслѣдникамъ Рославлева-Веловзорамъ Никитское казалось уже весьма запущеннымъ. Въ главномъ домѣ, внизу, въ одной изъ боковыхъ комнатъ, жилъ управляющій имѣніемъ Андрей Ивановичъ съ своей женой. Они угощали бабушку и насъ чаемъ съ вареньемъ изъ бѣлыхъ вишенъ и показывали внутреннее убранство комнатъ. Помнится, что меня особенно заинтересовали росписные потолки и стѣны, лѣпная работа карнизовъ и чугунный балконъ, съ котораго открывался чудный видъ на цвѣтникъ, село и окрестныя поля и рощи. Андрей Ивановичъ показывалъ намъ домашній театръ, устроенный въ одномъ изъ боковыхъ флигелей и гардеробную комнату, гдѣ въ шкафахъ изъ краснаго дерева хранились какіе-то старые костюмы чуть не Екатерининскихъ временъ. По преданію, въ Никитскомъ останавливалась для отдыха Великая Императрица въ одно изъ своихъ путешествій изъ Москвы въ Коломну и будто-бы даже изволила нарисовать красками узоръ на стѣнѣ въ одной изъ верхнихъ комнатъ главнаго дома. Въ то время Никитское принадлежало князьямъ Куракинымъ.

Дѣтскія воспоминанія мои о Лукьяновѣ не будутъ полны, если я не упомяну о первомъ моемъ наставникѣ, который прожилъ у насъ, въ деревнѣ, два лѣта (1868 и 1869), для подготовленія меня въ гимназію. Рекомендованный бабушкой ея старинной знакомой Варварой Сергѣевной Лаунертъ, мой первый наставникъ, Сергѣй Павловичъ Мечъ пріѣхалъ въ Лукьяново еще совсемъ молодымъ человѣкомъ, лѣтъ двадцати двухъ. Нынѣ извѣстный въ Москвѣ лекторъ, преподаватель геогра-

ѳи и авторъ многихъ интересныхъ географическихъ монографій, Сергій Павловичъ Мечъ въ то время былъ студентомъ-естественникомъ Московскаго университета. Онъ отдавалъ долгъ эпохѣ, увлекался Съченовымъ и его „рефлексами головного мозга“, читалъ Бокля, Дрепера и Карла Фохта въ переводѣ, рѣзалъ лягушекъ и подражалъ манерами Базарову изъ „Отцовъ и Дѣтей“. Онъ, если не ошибаюсь, впоследствии даже „пострадалъ“ нѣсколько за слишкомъ смѣлыя сужденія, но, въ сущности, былъ добрѣйшимъ, прекраснѣйшимъ и благороднѣйшимъ человѣкомъ. Стараясь быть оригинальнымъ, Мечъ не стригъ волосъ, носилъ во всякую погоду охотничьи сапоги, короткую суконную поддѣвку Русскаго покроя и кѣпи съ прямымъ козырькомъ. Длинный, худой, сутуловатый, съ слабой рыжеватой растительностью на подбородкѣ, Мечъ имѣлъ поэтическую душу и необыкновенный даръ слова. Онъ былъ отличнымъ рассказчикомъ, и я часами заслушивался его, когда онъ говорилъ о пампасахъ, ковбояхъ, дѣвственныхъ лѣсахъ и Индѣйцахъ. Не внося въ свои рассказы ничего фантастическаго, онъ придавалъ имъ много жизненности; можно было думать, что онъ своими глазами видѣлъ тропическую природу Бразиліи, зеленяя равнины Парагвая и Параны, становища дикихъ апашей и пустынные плоскогорія Аризоны и Невады. Ему я обязанъ многими чудными часами моихъ дѣтскихъ лѣтъ. Бывало, идемъ съ нимъ въ жаркій полдень, послѣ завтрака, на дальній прудокъ ловить лягушекъ для физиологическихъ опытовъ. Я несу сачекъ, а Сергій Павловичъ жестянку, обвязанную тряпкою, чтобы сажать туда пойманныхъ лягушекъ. Дальній прудокъ за садомъ, около лѣса, поросъ осокою и кувшинками. Въ жаркую пору лягушки выползаютъ изъ воды погрѣться на солнышкѣ; ловить ихъ сачкомъ не легко: онѣ чутки и при малѣйшей опасности грузно прыгаютъ въ воду; только и видишь, какъ сверкнуть на солнцѣ ихъ вытянутыя заднія лапки. Охота наша рѣдко бывала удачною; прогулявъ около пруда съ полъ-часа, мы сѣли гдѣ нибудь на кочкѣ, у куста ракиты, и Сергій Павловичъ начиналъ свои вдохновенные рассказы о дальнихъ странахъ. Никогда чтеніе Густава Эмара, Майнъ-Рида и даже Фенимора Купера не доставляли мнѣ такого удовольствія, какъ живыя, образныя рѣчи моего милаго учителя, проникнутыя радостной любовью къ природѣ и всему живому. Навсегда благодаренъ С. П. Мечу за эти незабвенные часы.

Село Лукьяново.

